

С.Н. Корусенко

Землевладение и землепользование бухарцев в Сибири: генеалогический ракурс

Ключевые слова: сибирские бухарцы, родословные, наследственное землевладение, политика государства, элитные роды.

Key words: Siberian Bukharians, genealogical tables, tenure, state policy, elite clans.

Сибирские бухарцы – один из значительных этнических компонентов в составе сибирских татар, оказавший влияние на культуру местного тюркоязычного населения. Формирование данной группы происходило в XVII в., а в середине XX в. эта категория населения совершенно растворяется в среде сибирских татар, несмотря на то, что и в настоящее время у ряда потомков бухарцев сохранилась этногенетическая память, отраженная в преданиях и их родословных.

При определении времени формирования сибирских бухарцев периодом начального освоения русскими территории Сибири, заселенной тюркоязычным населением (т.е. XVII в.), **могут возникнуть возражения**, так как в научной среде уже давно известно о более ранних переселениях жителей Средней Азии в Сибирь, связанных с торговой и миссионерской деятельностью. Но в данном случае говорится о бухарцах как об этносословной группе, сложение которой было обусловлено направленной деятельностью правительства России. И здесь уместно воспроизвести цитату из работы Г.Ф. Миллера: «Приезд с Кучумом и Ахмет-Гиреем многих бухарцев (1572 г. – С.К.), как надо думать, положил начало поселению в Сибири этого народа. Но от этих первых пришельцев осталось очень мало потомков. Большинство бухарцев, живущих в городах Тобольске, Таре, Тюмени и Томске, рассказывают, что их предки перебрались в Сибирь много позднее, только в русское время. И только в одной сеитской семье, которая живет недалеко от Тобольска в Сабанакowych и Тадзымовых юртах, сохранилось предание, что они ведут свой род от времен Кучума» [1, с. 196]. В настоящее время известно уже о нескольких бухарских родах, ведущих свое начало в Сибири «от времен Кучума», однако в действительности большинство выходцев из Средней Азии стали селиться в Сибири уже после присоединения ее к России.

В ранний период своего пребывания в Сибири бухарцы царским правительством рассматривались как иноземцы, добровольно принявшие российское подданство. Поэтому они пользовались определенными привилегиями (например, в области торговли, передвижения), предоставленными им царскими указами. Русское государство с присоединением Сибирского

юрта было заинтересовано в восстановлении и укреплении торговых связей между Сибирью и Средней Азией, которые существовали во время Кучума. Именно поэтому на следующий после основания города Тары год (1594 г.) в наказе великого князя Федора Ивановича князю Федору Елецкому и голове Василию Хлопову, назначенным в город Тару, написано:

А которые торговые люди учнут приезжать в новой город на Тару из Бухар и из Нагай со всякими товары и с лошадьми и з животиною, и у тех у торговых людей велети служивым людем всякие товары и лошади и животиноу покупати, и береженье к торговым людем, к бухарцом и к нагаем, держати, чтоб их впредь приучити; а как они исторгуютца, и их отпущати не издержав. А которые будет торговые люди похотят идти мимо новой город в Сибирские города, в Тобольской или в Тюмень, торговати всякими товары или с лошадьми и з животиною, и их потому ж пропускати и береженье к ним держати [1, с. 357].

Толчком к увеличению численности среднеазиатского населения в Сибири и формированию сибирских бухарцев как этносословной группы послужила грамота «царя Михайла Федоровича 7153 (1645 г. – С.К.) года ноября 3 числа:

выехавших в Тобольск бухарцев пожаловали мы с тобольскими посадскими в тягло их не приписывать и с пашенной землей, нанятая ими у татар, выдельного хлеба неимать, чтобы смотря на то иные бухарцы и всякие иноземцы в Тобольске жить оставались; а им, бухарцам, торговать по всем русским городам и ничем их не теснить и oprичь уголовных и долговых дел суда на них не давать [2, л. 2].

Из текста этой грамоты понятно, что, занимаясь торговлей, бухарцы активно начали осваивать и земельные пространства. А русское правительство, всячески поддерживая развитие торговли со среднеазиатскими государствами, не препятствовало развитию и других занятий иноземцев, тем самым привлекая их остаться на постоянное место жительства в Сибири.

Для периода XVII – начала XX в. выделяют 4 основных группы сибирских бухарцев – тобольские, тюменские, тарские и томские. Тарская группа бухарцев стала складываться в XVII в., к концу XIX в. эта была самая большая по численности группа бухарцев. Б.О. Долгих отмечал, что «в Тарском уезде уже в первой половине XVII в. жили «бухарцы»... Вначале их было немного, всего 21 трудоспособный мужчина, но позже, к 1672 г. их уже было 53 двора» [3, с. 53].

Как писал Н.Н. Оглоблин, бухарцы активно скупали земли не только у местного населения, но и у русских, не платя при этом налогов и нарушая установленный порядок русского землевладения. Такая ситуация перестала устраивать правительство, и в 1689 г. «был произведен по Тарскому уезду осмотр всех земель и угодий, проданных или заложенных служилыми людьми местным бухарцам» [4, с. 56]. В дозорной книге, составленной Яковом Чередовым, «ротмистром Литовского списку», приводились сведения о том, кто из русских людей продал или заложил свои земельные наделы бухарцам, в каком количестве, за сколько и где расположены эти земли. Здесь же приводились сведения о земельных спорах. Необходимость выявления этих сведений связана была с системой оплаты служилым людям. Учитывая, что земля давалась служилым людям взамен хлебного жалования, и часть продукции они отдавали государству, правительство не было заинтересовано в продаже или передаче этих земель. Тем более, что бухарцы были освобождены от налогов, а служилые, продав или заложив свою землю, требовали выдачи хлебного жалования. Н.Г. Аполлова отмечает, что «купив землю у служилых людей, бухарцы считали, что таким образом они перешли в разряд служилых, которые вправе требовать хлебное жалование и освобождение от оброка» [5, с. 102].

Прошло всего чуть более 50 лет с указа царя Михаила Федоровича, как правительство всерьез озаботилось активным земледельческим освоением бухарцами пространств Сибири.

В 1701 г. была создана дозорная книга [6], которая посвящена описанию земель только бухарцев. Создание этой дозорной книги связано с тем, что бухарцы хотели вернуться к своему прежнему положению, оформленному указом 1645 г., когда они не платили никаких оброков и «просили государя освободить их от дачи “выделного хлеба” с пашен и “денежного оброка” с сенокосов». В свою очередь, «правительство отказало им и только заменило “выделной хлеб” с пашен “денежным оброком”, для чего и предписано было Ивану Качанову описать бухарские земли в Тобольском, Тарском и Тюменском уу.» [4, с. 66]. Вот как описывал Н.Н. Оглоблин ситуацию с бухарскими землями и налогами: «Любопытны мотивы обложения: правительство внушает бухарцам, что «во всех странах христианских и бусурманских государств никак не токмо пришлой иноземец, но и того государства природной человек безоброчно и безданно никакими землями и угодьями не владеют...» (л. 3), взимаемые же с бухарцев (как и с других подданных) оброки идут на жалование ратным людям, которые-де «и их бусурман от разорения оберегают...» (л. 3об.). Бухарцы же «ничего больша 50 лет не платили (л. 4об.) в государеву казну. Указ же 153 г. (1645 г.) объясняется тем, что тогда «в Тобольску бухарцев было немного, а на Таре и на Тюмени никого не было» (л. 4). Теперь же количество бухарцев так

увеличилось, что правительство считает необходимым запретить впредь бухарцам покупать земли и уголья “у русских людей и у служилых и ясажных татар” (л. 5)» [4, с. 56]. Это была первая попытка ограничения, так как передача земли бухарцам продолжалась на протяжении всего XVIII столетия.

Краткое описание Н.Н. Оглоблиным этого источника и, прежде всего цели создания самого документа, цитировалось в большинстве работ, посвященных проблемам землепользования в период начального освоения Сибири, но сам источник так и не введен в научный оборот. Мало того, сопоставление сведений, имеющихся в дозорной книге, с историческими источниками XVIII–XIX вв. сквозь призму генеалогических построений, позволяет решить вопрос о землевладении сибирских бухарцев.

Проблема соотношения государственного, коллективного (общинного) и индивидуального владения землей в Сибири до сих пор остается нерешенной, так как при изучении конкретных ситуаций периодически встают вопросы, связанные с наличием/отсутствием частной собственности на землю, передачей ее по наследству на основании выписей из дозорных и писцовых книг, соотношением коллективных и индивидуальных форм землевладения и т.д.

В ряде статей нами уже поднимался вопрос о земельных владениях сибирских бухарцев и местного тюркоязычного населения, однако основное внимание было уделено периоду середины XIX в., который характеризуется тем, что именно к этому периоду окончательно складывается система расселения татар и бухарцев [7–8]. Ее сложение обусловлено, с одной стороны, окончательным переходом к оседлому образу жизни местных татар и, с другой стороны, формированием сети поселений бухарцев. Следующий момент выбора середины XIX в. был связан с тем, что в это время отмечено лишь незначительное количество татар-переселенцев из Поволжья и Приуралья, массово заселивших территорию Тарского Прииртышья лишь во второй половине XIX в. и, конечно же, оказавших влияние на систему землепользования населения данной территории. Изменения второй половины XIX в. связаны также с проведением землеустроительных работ, проводившихся в Сибири по заданию правительства и обусловленных переселенческими процессами в Сибирь в целом. Именно середина XIX в. являлась завершающим этапом всей предшествующей политики государства по отношению к землевладению населения Сибири. В дальнейшем политика центральной и местной власти была направлена на ограничение земельных владений инородческого населения (включая и бухарцев). И хотя вплоть до установления советской власти часть населения отстаивала свои права на землю, большинство их уступили.

Дозорная книга 1701 г. описывает бухарцев только Тарского уезда, несмотря на то, что вначале идет речь

о предписании описать земли и в Тобольском, и в Тюменском уездах Тобольской губернии, т.е. вначале документа представлена общая часть, которая обосновывает цель создания этой и других подобных книг. В данной книге переписаны 82 двора бухарцев (по сравнению с вышеприведенными данными Б.О. Долгих произошло увеличение на 29 дворов за почти 30 лет). Не останавливаясь на самых различных сведениях, имеющихся в этом источнике, рассмотрим те моменты, которые связаны с земельными владениями бухарцев. В документе переписаны 8 населенных пунктов, включая Тару, где проживали бухарцы. При изучении системы расселения татар и бухарцев в Тарском Прииртышье выявилась закономерность о том, что первоначально бухарцы были расселены вместе со служилыми и захребетными татарами в деревнях вокруг Тары [9, с. 44], на правом берегу Иртыша (Тара располагалась на левом берегу). Кто явился основателем данных поселений, остается под вопросом, за исключением современной деревни Речапово (ранее – «деревня юрт Шиховых»), которая, судя по всему, была основана именно бухарцами.

Невозможно представить подробный анализ земельных владений бухарцев в рамках данного сообщения, поэтому сделаем общие выводы. Во-первых, можно опровергнуть сформированное в науке мнение о том, что бухарцы активно скупали земли. Так, 26 семей (в данном варианте имеются в виду дворы, так как в книге имело место именно подворное описание) не имели ни пашни, ни сенных покосов. Еще 9 семей не владели пашней, но имели незначительные сенные покосы. Ряд семей имели небольшое количество пашни и сенных покосов. И только около трети семей – 32 (а часть из них можно объединить в семейные кланы) имели довольно большие земельные владения, включавшие пашни, покосы, пустоши. Из этого количества можно выделить только 4 семьи, которые действительно владели огромным количеством земли. В данном случае нами взят такой показатель, как количество принадлежавших главе семьи пустоши и лесов (свыше 20 десятин, у других семей в среднем – от 3 до 15 десятин), так как количество десятин засеянной и используемой под пашню земли примерно одинаково. Понимаем, что это довольно условный показатель, но в сравнении с другими данными он более точно отражает земельные владения. Двое из четырех являлись жителями Тары – это Бехмет Кулаев, имевший 60 десятин пустоши. И еще один житель Тары Мир-Али Сеит Сеитмагомет-ходжа имел 20 десятин пустоши и сенных покосов на 500 копен. Третьим являлся Бахмурат Речапов из деревни «Шиховых юрт», который имел в своем распоряжении 140 десятин непаханой земли, сенные покосы в самых разных местах Тарского Прииртышья на 1700 копен, не считая пашни. Наиболее интересной с точки зрения генеалогических построений является личность Аты-ходжи Аксеитова

из деревни Сеитово, у которого имелось 20 десятин пустоши и сенных покосов на 280 копен (в среднем сенные покосы исчислялись от 40 до 200 копен). Генеалогические исследования показали, что Мир-Али Сеит-ходжа и Аты-ходжа – это выходцы из знатного рода, являвшиеся двоюродными братьями. Основателем этого рода в Сибири был Дин-Али-ходжа, прибывший в Сибирь в 1572 г. по приглашению Кучума, рассказы о котором отложились в ряде исторических источников, ставших известными еще в XIX в. – это прежде всего родословие сеидов [10, с. 217–220].

Документы XIX в. также подтверждают наличие огромных земельных владений у потомков этого рода (в середине XIX в. это владения рода Веняминовых (Имьяминовых)), которые передавались по наследству, имея в качестве оснований для передачи выписи из дозорных книг и свои родословия – «шаджара рисаласи». Таким образом, можно говорить как о землепользовании бухарцев (выделенные или закрепленные земли, которые в дальнейшем можно рассматривать как коллективное (общинное) пользование землей), так и о частном землевладении, передаваемом по наследству.

Во-вторых, основаниями для владения и пользования землей являлись: челобитная, выпись (копия текста из официальных книг, документов, имеющая силу подлинника), купчая, данная (грамота на владение землей), поступная (как от служилых русских людей, так и от местных татар, в частности князца Бучкачка Енметева), мировые полюбовные (с ясачными татарами), закладная, по отводу (русских служилых людей), «по писцовым книгам Льва Поскочина», без крепостей (без подтверждающих документов), в 21 случае – «кисстари». Используемые понятия употребляются в данном документе в различных сочетаниях и для пашни, и для покосов, и для других земель. Понятие «без крепостей» сочетается либо с «кисстари», либо «в общих с татарами межах», что говорит об отсутствии документа на землю, а не о действительно старинном (издавна) владении землей. Среди всех этих понятий очень сложно выделить то, что в действительности в дальнейшем становится документом, обладающим юридической силой и подтверждающим наследственное владение землей. В то же время при изучении документов XIX в., в которых имеются сведения о земельных владениях и об основаниях закрепления земли за тем или иным родом, выясняется, что в большинстве своем проведенный в 1701 г. дозор и стал той отправной точкой для отстаивания своих прав на землю. Так, в документе под названием «Ведомость по Тарскому округу о количестве владимой бухарцами земли» [11] (документ не датирован, но при сравнении с рядом подобных документов хронологически его можно отнести к 1830-м гг.) читаем, что отхожие сенные покосы бухарцев города Тары в количестве 3 человек закреплены за ними по «выписи из бывшей Тарской

приказной избы 1701 г. 3 августа и в ней написанной купчей крепости 175 (1667 г. – С.К.) года, выданной из Аялынской волости деревни Баяновой ясачным татаринцом Аиткулком Баяновым ныне владельцам бухарцам предку бухаретину Сеиту ... Сеитову» [11, л. 1–1а]. Материалы дозорной книги 1701 г. уточняют ситуацию. При описании земель жителя Тары Мир-Али Сеит-ходжи о части его земель, расположенных по реке Оше (левый берег Иртыша), пишется, что владеет «исстари и по выписи 1701 года» [6, л. 16]. Землями же, расположенными на правом берегу Иртыша вниз по течению от города Тары, он владеет «по купчей Аялынской волости ясашного татарина Аиткулка Буянова с 1667 году и по вышеписанной выписи 1701 году» [6, л. 16–17]. Таким образом, именно выпись из данной дозорной книги становится документом, имеющим юридическую силу и подтверждающим земельные владения. Ранее приводился факт о происхождении Мир-Али Сеит-ходжи от Дин-Али-ходжи, зятя Кучума. Эта родословная линия связывается с известным в XIX – начале XX в. родом тарских купцов Айтыкиных [12], которые помимо того, что относились к торговой элите, являлись также и землевладельческой элитой бухарцев. Представители этого рода составляли также и духовную элиту мусульман. Например, это Нияз Айтыкин (1778–1847), чья надмогильная стела была обнаружена А.К. Бустановым в д. Себеяково Тарского района Омской области [13], который занимался просветительской деятельностью, собрал большую библиотеку, курировал школы (мэктэб, медресе), а также совершил хадж.

Уже в середине XIX в. сын Нияза Айтыкина Абдулла доказывает свое право на купленные его предком земли. Так, в документе 1852 г. «Ведомость дачам, состоящим во владении Тобольской губернии Тарского округа ясачных татар и бухарцев волостей Подгородной и Бухарской...» описываются его земли следующим образом: «Отхожая дача Бухарской волости, состоящая в спорном и безспорном владении города Тары у торгующего бухарца Абдуллы Ниясова Айтыкина, наследника Нияса Айтыкина с крестьянами Бутаковской волости деревень Самсоновой и Чередовой, и дело это, как объяснил поверенный крестьянин дер. Самсоновой в своем объявлении, поданном 16 августа 1852 года, рассматривается в Правительствующем сенате. Часть этой дачи, значащейся под лит. В, оспаривают крестьяне Бутаковской волости деревни Самсоновой и Чередовой по указу из Тарской воеводской канцелярии 1770 года июля 19 дня, но неизвестно, по каким правам не только этой частью, даже и всей дачей те крестьяне владеют. Бухарец же Абдул Айтыкин, наследник Нияса Айтыкина, в участке, значащемся под лит. А, пользования не имеет, но утверждает, что эта вся дача принадлежит ему по выписи 1701 года (выделено мной. – С.К.). Торгующий бухарец Абдул Айтыкин,

купец 1-ой гильдии, имеет жительство в городе Таре, где и по ревизии числится. Эта дача лежит при деревне Самсоновой, которая отстоит от города Тары на 6 верст» [14, л. 20–20об.]. Данный документ еще раз подтверждает юридический характер выписи из дозорной книги 1701 г.

Однако сами по себе выписи не являлись окончательным документом для землевладения, так как в этот период у бухарцев еще не сложилась фамильная система, а в каждом новом поколении фамилией являлось имя отца. Именно поэтому выходцы из одного рода позднее (например, в середине XIX в.) фигурировали уже под разными фамилиями, чему подтверждением является два семейных клана – Айтыкиных и Имяминовых, имеющих в основании одного предка – Дин-Али-ходжу. Важное значение для подтверждения своего знатного происхождения, имущественного и социального положения имели шаджара, исследованием которых занимается А.К. Бустанов, обнаруживший значительное количество письменных источников такого рода в различных архивах России.

Именно сочетание различных документов, положение рода в обществе в целом и наличие шаджара способствовало сохранению земельного фонда, передаваемого по наследству. Например, наличие шаджара рода Имяминовых, представители которого являлись как духовной, так и землевладельческой элитой, способствовало сохранению земельных владений и передаче их по наследству, так как в документах середины XIX в. – «Ведомость дачам, состоящим во владении Тобольской губернии Тарского округа ясачных татар и бухарцев волостей Подгородной и Бухарской...», указано, что земля, на которой расположена деревня Сеитово (и не только, далее описываются и другие владения) принадлежит Веньямину Наурусову и Атагуче Веньяминову (потомкам Аты ходжи Аксеитова. – С.К.): «Эта дача по выписи 1701 г. 11 сентября состоит во владении юрт Сеитовых Веньямина Наурусова и Атагучи Веньямина с родственниками, всего на лицо по 8 ревизии 13 душ. Жительство они имеют в юртах Сеитовых на своей даче, где и по ревизии числятся. Прочие же ясачные татары и бухарцы, числящиеся в тех юртах по ревизии, имеют жительство на этой даче и пользуются скотским выпуском будто бы без согласия настоящих владельцев, как объяснил бухарец Атагуча Веньяминов в своем отзыве, почему он в 1852 г. подал просьбу в Тобольскую казенную палату, жалуюсь будто бы на стеснение своевольно проживающих на его даче ясачных татар и бухарцев, которых просит переметить. Действительно те бухарцы и ясачные татары, кроме 13 душ настоящих владельцев, которые проживают и числятся по ревизии в юртах Сеитовых на этой даче и пользуются выпуском для скота, но владения прочими земельными угодьями имеют особо, в принадлежащих им по крепостям и без документально дачам. Но чтобы

сместить их с этой дачи – совершенно невозможно потому, что эти юрты существуют с давних лет...» [14, л. 7об.–8 об.].

Не последнюю роль в складывании системы землепользования и землевладения играло государство, которое, с одной стороны, стремилось ограничить земельные богатства бухарцев и включить их в общинное владение (особенно в XIX в.), с другой стороны, поддерживало бухарскую землевладельческую элиту,

признавая юридически их документы на владение землей. Таким образом, рассмотрение данной проблемы сквозь призму генеалогических исследований позволяет проследить наличие наследного землевладения бухарцев. Этот вывод касается не только бухарцев, но и местной (татарской) землевладельческой элиты, что в дальнейшем планируется рассмотреть на примере рода Князевых – одного из старинных татарских родов на территории Тарского Прииртышья.

Библиографический список

1. Миллер, Г.Ф. История Сибири / Г.Ф. Миллер. – Т. 1. – М., 1999.
2. Государственный архив Омской области (ГАОО). – Ф. 2. – Оп. 1. – Д. 158.
3. Долгих, Б.О. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. / Б.О. Долгих. – М., 1960.
4. Оглоблин, Н.Н. Обзорные столбцы и книг Сибирского приказа (1592–1768 гг.) / Н.Н. Оглоблин. – М., 1895. – Ч. 1.
5. Аполлова, Н.Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI – первой половине XIX в. / Н.Г. Аполлова. – М., 1976.
6. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). – Ф. 214. – Кн. 1199.
7. Корусенко, С.Н. Земельные владения бухарцев (XVIII–XIX вв.) / С.Н. Корусенко // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Одесса ; Омск, 2007.
8. Корусенко, С.Н. Земельные владения бухарцев и татар Тарского Прииртышья в середине XIX в. / С.Н. Корусенко // Этнография Алтая и сопредельных территорий : материалы междунар. науч. конф. – Вып. 7. – Барнаул, 2008.
9. Корусенко, С.Н. Этносоциальная история и межэтнические связи тюркского населения Тарского Прииртышья в XVIII–XX веках / С.Н. Корусенко. – Омск, 2007.
10. Радлов, В.В. Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Джунгарской степи / В.В. Радлов. – Ч. IV. Наречия барабинцев, тарских, тобольских и тюменских татар. – СПб., 1872.
11. ГАОО. – Ф. 183. – Оп. 1. – Д. 3.
12. Валеев, Ф.Т. Родословные записи (шэжэрэ) сибирских татар как историко-этнографический источник / Ф.Т. Валеев // Проблемы антропологии и исторической этнографии Западной Сибири. – Омск, 1991.
13. Бустанов, А.К. Памятники сибирско-татарской эпиграфики XVII–XIX веков / А.К. Бустанов // Сибирская деревня: история, современное состояние, перспективы развития. – Омск, 2008. – Ч. 2.
14. ГАОО. – Ф. 183. – Оп. 3. – Д. 518.